Михайло Козарич (2)

Уж как на родине да Михайла спородили,
Как отец-мать и Михайла ненавидели,
Уж как род да племя да не взлюбили его держать —
Они отдали его бабушке-задворенке.
Уж как ростила его бабушка-задворенка,
Она кормила его кусками прожженными,
Она поила молочком его козловейником.
Как по этому-то молоку козловому
Уж как прозвали Михаила Козаричем.
Как повырос Михайло до семнадцати полных лет,
Говорит-то ему бабушка-задворенка:
«Уж ты гой еси, Михайло постылый сын!
Ты пойди-ко, Михайло, на конюшенный двор,
Выбирай-ко ты себе коня езжалого,
Ты езжалого коня, кормленого.
Не того бери, что с повети стоит нос,
А того бери, у которого сверх повети стоит нос.
А седлай-ка ты золотым седлом,
Золотым-то седлом да серебряной уздой.
Поезжай-ка, Михайло, во чисто поле
Ты стрелять-то гусей да серых уточек —
Достреляйся до белой до лебедушки!..»
Как пошел-то Михайло да на конюшенный двор,
Зануздал он да коня езжалого.
Только видели, как Михайло на коня-то сел,
А не видели поездки Михайловой.
Уж как едет наш Михайло как день пору —
Уж как едет Михайло другу пору,
Не пиваючи он едет да не едаючи,
Он добру коню отдыху не даваючи.
Как завидел да Михайло: да сырой дуб стоит.
На сыром-то дубу да черный ворон сидит,
Уж как чёрен ворон да птица вещая.
Натегает тут Михайло да свой могучий лук,
Направляет-то Михайло да калену стрелу.

Говорит тут ему ворон своим голосом,
Уж как голосом он да человеческим:
«Уж ты гой еси, Михайло постылый сын,
Не стреляй-ко ты в меня да черна ворона.
Как моего-то мяса не есть тебе будет,
Как моей-то крови не пить тебе будет;
Тебе силы со мной да не спроведати,
Тебе силы своей да богатырской.
Поезжай-ка ты, Михайло, да во чисто поле,
Во чистом поле да буйство стоит —
Бьются-дерутся да три татарина,
Промежду собой да они делы делят,
Они дел-то делят — да красну девицу-душу:
Она по роду тебе будет да родна сестра.
(*Он и не знал*.)
Как скочил да Михайло на добра коня.
Он ехал, Михайло, день поры,
Уж как ехал Михайло другой поры —
Там завидел Михайло да бел поло́тен шатер.
Как во етом во шатре да красна девица сидит,
Она плакучи сидит да рыдаючи,
Ко сырой-то земле да припадаючи.
А как за тем-то за белым шатром
Там и бьются-деруться да три татарина.
Как первой-то татарин да девку улещал:
«Уж ты плачь хошь не плачь, да красна девица-душа!
Уж как ты-то только да мне достанешься —
Я возьму-то тебя за племянника взамуж,
Будешь ключницей ты да замочницей,
Золотой-то казны да будешь счетчицей!»
Как другой-то — да девку улещал:
«Уж ты плачь хошь не плачь, да красна девица-душа!
Уж как ты только мне да ты достанешься —
Я возьму-то, возьму да за сына тебя взамуж,
Я поставлю тебя ко кровати да ко тесовой,
Буду секти-то да плеткою шелковой!..»
А как треть-е‹т›-то татарин да девку улещал:
«Уж ты плачь хошь не плачь, красна девица-душа!
Уж как ты-то только мне достанешься —

Я возьму-то тебя да за себя взамуж,
Я срублю твою да буйну голову,
Разрублю всё твоё тело белое
Я на мелкие куски, да на череньевы,
Раскидаю их да по чистом по́ полю
Черным воронам да на погра‹я›ние,
Серым волкам-то на потаскание!..»
У Михайлы-то очи ясны да помутилися,
Горюци-то слезы да покатилися.
Он ведь двух-то татар конем стоптал,
Он как третьего татарина да вострой саблей ссек,
Он срубил да его да буйну голову,
Разрубил его да тело грязное,
Разбросал он да по чисту полю.
Взял с собой да красну девицу душу́,
Посадил да он да на добра коня.
Вот едут они до первы пор,
Уж как едут они да други пор —
Говорит-то ему да красна девица душа:
«Покормить-то надо нам да добра коня,
Уж и нам-то с тобой надо попить-поесть.
Уж ты гой еси, Михайло постылый сын,
Ты возьми-ко меня в себе замуж,
Я женой-то буду тебе верною,
Я слугой буду да неизменною». —
«Уж ты глупа́-преглупа́, да красна девица душа,
Уж ты глупа-переглупа да дочь Петровна хороша:
Ты ведь по роду мне будешь родна сестра!»
Уж как сели они опять, поехали.
Приезжают они ко двору да ко батюшкину.
Отец с матушкой на красном стоят крыльце,
И стоят они да низко кланяются:
«Ты пожалуй-ко-ся да родная дочь,
Уж ты Марфа ты да Петровна,
Ты пожалуй во светлу гридну
К нам не хлеба-солит ‹есть› — пивовару пить».
А Михайла они да не примолвили.
У Михайла-то оци да помутилися,
Горюци слезы да покатилися.

[Дальше былина продолжалась. Татары увезли маленького Ивана, брата Михайла, но исполнительница не помнит].

(Зап. М. Кузьминской, Л. Названкиной 3 июля 1975 г.: пос. Каменка Мезенского р-на — от Рахманиной Евдокии Александровны, 73 лет.)

Былины: В 25 т. / РАН. Ин-т рус. лит. (Пушкин. Дом). — СПб.: Наука; М.: Классика, 2001. Т. 4: Былины Мезени: Север Европейской России. — 2004.